

Роскошный паланкин неспешно двигался по тропе. Его резные перила были украшены золотыми цветами, а легкие шелковые занавеси колыхались на ветру. Высотой в пять чи и шириной в четыре, он был просторным, словно небольшая комната. Ряд дисциплинированных телохранителей следовал по обе стороны от паланкина, который несли восемь человек. Сквозь полупрозрачную ткань смутно угадывался силуэт того, кто сидел внутри.

Дугу Цзюэ, полулежа в роскошном паланкине, задумчиво вертела в пальцах кубок с вином, глядя на него опущенными глазами. Она спросила:

— Ну как тебе это представление? Не разочаровало?

Снаружи, верхом на породистом скакуне, следовал Ле Янь. Он насмешливо отозвался:

— Сюжет был полон крутых поворотов, сцены — поразительно реалистичны, а само действо — захватывающим. Поистине бесподобная постановка. Полагаю, после такого финала глава школы Цинчэн будет настолько раздавлен, что уже никогда не оправится и навсегда уйдет из мира боевых искусств.

— О, вот как? — Дугу Цзюэ, выслушав столь высокую оценку, слегка покачала нефритовый кубок. — Раз уж ступил на путь цзянху, то останешься в нем навсегда. Это мир, где сильный пожирает слабого: стоит тебе стать слабым, как тебя немедленно поглотят.

Ле Янь уловил скрытый смысл ее слов и с иронией покачал головой:

— И подумать только, что из-за одного фарса рухнула школа Цинчэн, чье основание закладывалось сотни лет назад. Если бы их основатель узнал об этом на том свете, не думаю, что он обрел бы покой.

— Возможно, основателю школы Цинчэн стоило бы поблагодарить меня за то, что я показала ему, насколько глупы и бездарны его потомки, — с пренебрежением усмехнулась Дугу Цзюэ.

Ле Янь холодно хмыкнул. Не пролив ни капли крови, она смогла сокрушить противника в пух и прах — в этом заключался ее ум и в то же время ее пугающая сторона. Он спросил:

— Ты воспользовалась сведениями Ле Юя, чтобы легко узнать о делах бывшего главы Цинчэн Юй Цанхуа и его жены, а затем выдала Су Саньнян за дочь Су Ци, сделав всё настолько правдоподобным. Однако была одна сцена, которую я не до конца понял. Почему те две капли крови поначалу оттолкнулись и не смешались? Даже если подкупить ученика школы Цинчэн, в присутствии стольких мастеров невозможно было провернуть подобное на глазах у всех. Это не дает мне покоя.

Дугу Цзюэ смотрела на свой нефритовый кубок, ее взгляд смягчился, но она лишь улыбнулась, храня молчание.

— Это и есть Жало, четвертое в списке великого оружия цзянху, — Дугу Цзюэ приняла из рук человека поднесенный меч.

— Да, именно оно, — коленопреклоненный худой мужчина средних лет дрожал. — Это наше... семейное сокровище школы Цилинь.

Школа Цилинь была скрытной сектой, подобной пылинке в огромном мире. Следуя правилу не нападать на тех, кто не трогает их, они жили в уединении, не вмешиваясь в дела внешнего мира. О них почти не говорили и никто не обращал на них внимания.

Но когда речь заходила о Жале, четвертом в списке оружия, о нем знали все. Это было необычное оружие: по обе стороны клинка тянулись острые длинные зубцы, выточенные из костей гигантской рыбы. Внутри меча скрывалась длинная тонкая цепь. Стоило влить внутреннюю энергию и взмахнуть им, как зубцы расходились, превращая оружие в гибкий хлыст. Его можно было использовать как в ближнем бою, так и на дистанции. При вращении длинное Жало окружало владельца, словно колючий еж, защищая его и не подпуская врагов близко. Атаковать издалека, разить вблизи, защищаться при отступлении — в этом была вся суть Жала. Но не каждый мог им овладеть: при работе с ним требовалось сочетать твердость и мягкость. Мужчины были слишком грубы, женщины — слишком нежны. Не справившись с управлением, можно было не только не ранить врага, но и покалечить себя. Только мастера школы Цилинь владели им в совершенстве. Именно поэтому, несмотря на высокое место в списке, Жало не было столь знаменито, как другое оружие.

Дугу Цзюэ влила внутреннюю энергию, и Жало мгновенно превратилось в длинный хлыст. Затем она вернула его в исходное состояние, и зубцы сомкнулись, вновь превращая его в длинный меч. Она с удовлетворением осмотрела оружие:

— Достоинство четвертого места. Можно атаковать, можно разить, можно защищаться.

Мужчина средних лет, увидев, что она довольна, с облегчением выдохнул:

— Раз уж госпожа... довольна... не могли бы вы отпустить... мою семью и дать противоядие? — Он, глава секты, не знавшей вражды, оказался в такой беде из-за одного оружия, и человеком, уничтожившим его школу, была двенадцати-тринадцатилетняя девочка.

— Конечно, — уголки губ Дугу Цзюэ поползли вверх. — Редко встретишь такую щедрость, как у главы Цзина, преподнесшего в дар это семейное сокровище. Но без внутренней техники семьи Цзин как же я смогу раскрыть всю мощь Жала?

Цзин Чэньян замер.

— Глава Цзин, подношение должно быть искренним. Если вы пытаетесь отделаться от меня, то боюсь, вместо награды получите лишь неприятности, — любезно напомнила Дугу Цзюэ.

Это доброе напоминание прошибло Цзин Чэньяня холодным потом. Он в панике вытащил из-за

пазухи свиток и, дрожащими руками подняв его над головой, прошептал:

— Это внутренняя техника семьи Цзин, прошу, госпожа, примите ее.

— Ха-ха-ха! — смех Дугу Цзюэ наполнил всю комнату, но тут же резко оборвался.

— Угх... — зрачки Цзин Чэнъяня расширились.

Неизвестно когда Дугу Цзюэ, державшая Жало, оказалась рядом с коленопреклоненным Цзин Чэнъянем. Она холодно усмехнулась:

— Это награда за твое минутное колебание. Не волнуйся, я обещала, что вы воссоединитесь всей семьей, и я не нарушу своего слова. Только вот место встречи будет немного темным, главе Цзину придется хорошенько поискать своих родных в преисподней.

Цзин Чэнъянь схватился за перерезанное горло:

— Ты... — с выражением ужаса и потрясения он повалился на пол.

На белоснежном Жале осталась тонкая полоска крови.

— Вот теперь оно воистину оправдывает свое название.

Зеленая трава тихо шелестела под порывами ветра. В центре поляны стояла фигура в красном, и Жало в ее руках ослепительно сверкало на солнце.

Дугу Цзюэ взмахнула мечом, раздался звон натянутой цепи, и оружие превратилось в девятисекционный хлыст с острыми зубцами.

Она медленно вращала рукоять, и Жало плавно следовало за движениями ее тела. Казалось, это не смертоносное оружие, а мягкая шелковая лента, танцующая вместе с грациозной танцовщицей. Постепенно движения ускорились. Опавшие листья и лепестки цветов закружились в вихре, наполняя воздух тонким ароматом.

Вдруг Дугу Цзюэ оттолкнулась носками ног и взмыла в воздух, вращаясь. Длинное Жало создало вокруг нее кокон из острых шипов. Листья и лепестки, летавшие в воздухе, в мгновение ока были изрезаны на мелкие кусочки.

Бах!

Звук разбитой в кухне керамики ударил по ушам, заставив Дугу Цзюэ потерять концентрацию.

Пытаясь резко остановить бешеное вращение Жала, она неосторожно задела руку острыми зубцами. Кровь мгновенно пропитала рукав красного одеяния. Не обращая внимания на рану, она бросилась к кухне.

Едва переступив порог, она ощутила резкий запах уксуса.

Дугу Цзюэ быстро подошла к Лэн Цинло.

— Цзюэ-эр... — Лэн Цинло не ожидала, что та появится так внезапно.

Увидев на полу осколки и окровавленный палец сестры, Дугу Цзюэ почувствовала, как сердце сжалось от боли:

— Не шевелись, я принесу лекарство!

— Цзюэ-эр... сестренка в порядке, я просто случайно опрокинула кувшин с уксусом и порезалась, когда собирала осколки, — Лэн Цинло, видя с какой серьезностью Дугу Цзюэ перевязывает ей палец, не чувствуя меры, с улыбкой и легкой досадой произнесла это.

Улыбка внезапно застыла на губах, сменившись тревогой: с левой руки Дугу Цзюэ капала алая кровь.

Лэн Цинло гневно вырвала руку:

— Цзюэ-эр, ты ранена!

Дугу Цзюэ лишь сейчас поняла, что в спешке, когда искала лекарство, сильнее разодрала рану.

Не успела она опомниться, как хрупкая Лэн Цинло с силой рванула рукав ее одежды. На бледной коже красовалось кровавое пятно. Если бы капли не упали на каменный пол, она бы и не заметила.

— Я тренировалась и не уследила, — Дугу Цзюэ, видя в глазах Лэн Цинло боль, поспешила объяснить. — Это пустяк, просто царапина, наверное, я слишком быстро бежала, вот она и открылась.

Лэн Цинло молча открыла флакон с лекарством и осторожно посыпала на рану.

Жжение заставило Дугу Цзюэ вздрогнуть.

Лэн Цинло, глядя на нее с жалостью и желанием отругать, тихо подула на рану, надеясь облегчить боль:

— Больно?

Дугу Цзюэ, завороченно глядя на нежность сестры, покачала головой:

— Если поцелуешь — не будет.

Лэн Цинло была в замешательстве: не знала, злиться ей или смеяться. Неизвестно когда у Цзюэ-эр появилась дурная привычка: просить поцелуй в награду или ради утешения.

Глядя на пугающе красный цвет крови, Лэн Цинло медленно наклонилась и легко коснулась губами лба Дугу Цзюэ.

Дугу Цзюэ расцвела от счастья и расплылась в улыбке:

— Если я буду получать поцелуи каждый день, то готова раниться хоть каждый день.

Лэн Цинло без церемоний щелкнула ее по лбу:

— Не говори ерунды! Если еще раз так покалечишься, не то что поцелуя — я с тобой разговаривать перестану!

Дугу Цзюэ опустила голову и надула губы.

— Хорошо, что рана неглубокая, иначе лекарство бы не остановило кровь, — Лэн Цинло смочила чистую ткань водой, тщательно вытерла рану и перевязала ее.

И пока Дугу Цзюэ наслаждалась нежной заботой Лэн Цинло, она вдруг увидела осколки керамики на полу, на которых смешалась их кровь. И произошло нечто странное — кровь отталкивалась друг от друга.

— Цзюэ-эр, перевязка готова. Цзюэ-эр?

— Кровь... на полу... она не смешалась! — Неужели она и сестра не... Эта мысль молнией пронеслась в голове Дугу Цзюэ, вызвав одновременно страх и искру надежды.

— Как такое может быть? — Лэн Цинло, заметив отторжение капель крови на черепке, была поражена.

— Может ли быть, что мы...

— Не гадай, здесь точно что-то не так! — Сердце Лэн Цинло охватила паника. Как Цзюэ-эр может быть не ее родной сестрой? Но как объяснить эту несмешивающуюся кровь? Издревле

существовал метод распознавания родства по крови, здесь явно кроется какая-то ошибка...
какая ошибка? Ошибка?!

Вдохнув резкий запах уксуса, Лэн Цинло осенило.

Она схватила Дугу Цзюэ за руку:

— Цзюэ-эр, давай попробуем еще раз.

Они налили чистой воды и капнули по капле крови.

Лэн Цинло слегка прикусила губу и осторожно помешала воду.

Дугу Цзюэ широко раскрытыми глазами следила за изменениями, боясь упустить малейшую деталь. Внутри нее нарастал ужасающий шепот: не смешивайтесь, только не смешивайтесь...

Вспоминая об этом, Дугу Цзюэ помрачнела. Хотя она знала, что вероятность того, что они не сестры, ничтожна, тогда она цеплялась за эту призрачную надежду, но в итоге всё разбилось в прах. Неужели она может оставаться рядом с Ло только в этом качестве? И никогда не преодолеть преграду кровного родства...

От этой мысли сердце сжалось, ей так захотелось обнять Ло. Она глухо скомандовала:

— Быстрее в усадьбу.

Получив приказ, носильщики, не смея медлить, вложили всю свою внутреннюю силу в шаг и помчались вперед.

В мгновение ока процессия вместе с паланкином исчезла на тропе.

<http://bllate.org/book/19784/1949670>